

Четыре жизни мануфактуры Михляева: фабрика, пересыльная тюрьма, «раковый корпус», институт истории

КТО из казанцев и гостей столицы Татарстана не любовался великолепием Кремля? Красота и гармоничность древних строений вкупе с новодами восхищают глаз современника. Многочисленные открытки с видами знаменитых башен, бирюзово-белоснежной мечети и красочных соборных куполов увозят в свои страны туристы со всего мира. Но это всё парадная, «выставочная» часть историко-мемориального комплекса. На Кремлёвском бугре уютятся и иные строения, которые имеют далеко неприглядный вид, да и возводились они отнюдь не для утешения взора, а с чисто практическими целями.

Одна из таких построек притулилась в восточной части Казанского Кремля – это здание, имеющее за плечами 300-летнюю историю, – бывшая суконная фабрика Михляева, а ныне Институт истории Академии наук РТ. Приземистый корпус непрезентабельного вида, далёкий от красот кремлёвских архитектурных знаменитостей, кажется, до сих пор хранит мрачные образы прежних своих предназначений. После фабричного прошлого в этом здании размещалась Пересыльная тюрьма.

Невозможно представить себе, сколько проклятий слышали холодные стены, сколько слёз безвинных, несправедливо осуждённых впитали старые кирпичи. А ужасные видения арестантов, которых ожидали каторжные муки, до сих пор витают над этим местом. И, словно мало было людских страданий бездушным камням, в шестидесятые годы прошлого века здание обрело третье преобразование – в онкологический диспансер. Кого из местных жителей не пугало одно упоминание о страшном месте, от самой лечебницы веяло духом обречённости, тяжких страданий и неизбежной смерти. Сейчас этот дом с адресом: ул. Батурина, дом 7 обрёл иное дыхание и название. Имя ему «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан». Возможно, эта новая стезя старого строения и надежда на пере рождение его атмосферы. Ауру людей, изучающих историческое прошлое ради светлого будущего, излучают теперь эти стены, и само строение выглядит уже не таким чужеродным и мрачным.

Заглянем же поглубже в прошлое «здания под Кремлём», и прежде оку-

Казань.—Казан. № 26.
Кремль и архіерейскій домъ.

нёмся в начало века XVIII, когда богатый купец Иван Афанасьевич Михляев – удачливый предприниматель и щедрый меценат – выстроил на Кремлёвском бугре свою знаменитую фабрику. Чем же она была знаменита? Сукно российского производства в то далёкое время не могло похвастать отличным качеством. Даже на обмундирование солдатам приходилось закупать ткани за границей. Царь Пётр I решил разорвать обременительную зависимость и основал в стране казённые шерстяные заводы. Один из них в 1714 году вырос в Казани на левом берегу озера Ближний Кабан, и вокруг него впоследствии образовалась Суконная слобода. Но шерстяные ткани, выпускаемые государственной фабрикой, не шли ни в какое сравнение с продукцией купца Михляева, как и доходы частного производства.

Кстати, фабрика под Кремлём была выстроена и пущена в ход Иваном Афанасьевичем гораздо раньше государственной. В 1722 году успешность ловкого мануфактурщика лично отметил государь, посетивший Казань, и через пару лет царь Пётр распорядился передать Ивану Афанасьевичу Михляеву и

казённый завод. Фабрика под Кремлём процветала до самой смерти умного и предприимчивого купца, после она перешла в руки родственников его жены Дрябловых, а ещё позже – к купцам Осокиным. Производственная деятельность понемногу затухала, становилась малоприбыльной, и в конце XVIII века Осокины передали здание фабрики в ведение города. Так началась вторая жизнь михляевского строения.

К расширенному и переоборудованному комплексу из двух каменных корпусов в 1809 году пристроили двухэтажный «работный дом». Внутри образовался прямоугольный двор с арочным проездом и массивными двойными воротами. Заново отштукатуренные и побеленные стены обрели новых постояльцев, рабочий класс сменили заключённые. Бывшая суконная фабрика обрела статус Пересыльной тюрьмы. Но камер для заключённых не хватало, и в 70-х годах XIX века здание диаметрально замкнули, возведя ещё одно строение.

Ежегодно через Казанскую тюрьму проходили более пяти тысяч человек, среди них были и семьи осуждённых с

детьми. Камеры забивались так, что не хватало воздуха. Детей из-за невыносимых условий в зимнее время отправляли по сиротским домам. Этим маленьким невольных арестантов через тюремное существование прошло немало. Например, в документах 1875 года отмечено поступление наряду с каторжанами 937 детей. В заключении осуждённые привлекались к различным работам от обычных рубки дров, топки печей и чистки двора до специфических – портняжничества, столярного и швейного дела и многих других.

В 1832 году император Николай I утвердил особый свод учреждений и уставов, призванный нравственно исправлять преступников. Согласно этому своду устанавливался жёсткий режим для предотвращения побегов. Арестантам изготавливали верхнюю одежду с рукавами и штанинами разного цвета. На спину нашивались ромбы жёлтого цвета, за что каторжников в народе прозывали «бубновыми тузами». Для быстрого опознавания беглецов заключённым брили головы наполовину в зависимости от категории вдоль или поперёк.

Ближе к концу XIX века в ходе реформ положение в местах заключения улучшилось. В работу вступили «губернские попечительные о тюрьмах комитеты». Их деятельность была не только благотворительной, они контролировали работу тюремной администрации, не допускали произвола и коррупции. Позаботились и о религиозном воспитании осуждённых, в Казанской пересыльной тюрьме действовала часовня. Масла и свечи для отправления богослужений жертвовали горожане. Жители города не оставались равнодушными и к иным потребностям арестантов, приносили в тюрьму продукты. Заболевших заключённых лечили в Казанской тюремной больнице и лишь после отправляли в места ссылки.

Кроме истинных душегубов, злодеев, казнокрадов и воров в тюрьме ожидался этап и многие известные революционеры. Здесь свой скорбный

путь прошли декабристы. Один из них, участник вооружённого восстания на Сенатской площади А. Гриневицкий в 1827 году скончался в Казанской тюремной больнице от нервной горячки. Сибирская ссылка так и не дождалась своей жертвы. В ноябре этого же года в квартире зрителя тюрьмы Кирилова побывал Владимир Раевский – поэт, публицист и друг Пушкина. Его путь лежал в село Олонки Иркутской области, куда Раевского сослали, лишив дворянского звания. В историю он вошёл как первый декабрист. Спусти почти 35 лет в казанских застенках оказались и члены террористической организации «Земля и воля». Томился в тюремном замке русский социолог, публицист, экономист и беллетрист, участник общественных движений В. Берви-Флеровский (1829–1918). Самыми популярными сочинениями Василия Берви-Флеровского были «Положение рабочего класса в России», «Азбука социальных наук» и «Записки революционера-мечтателя». Последний труд вышел уже после смерти автора.

А в 1887 году в ночь с 4 на 5 декабря в казанскую тюрьму доставили ставшего позже самым известным заключённым пересыльной тюрьмы Владимира Ульянова. В то время будущий вождь революции отличился как один из самых активных организаторов и участников студенческой сходки. Ульянов находился в заключении вместе с товарищами по сходке, горячие молодые головы и в тюрьме не желали склоняться перед царским режимом. Арестованные учащиеся университета передали на волю совместное творчество – «Прощальное письмо протестующих казанских студентов». Последователи бунтовщиков, оставшиеся на воле, размножили и распространяли листовку среди сочувствующих товарищей.

Дни, проведённые в застенках, не прошли для молодого Владимира даром, возможно, именно в этих мрачных камерах будущий предводитель мирового пролетариата сделал окончательный выбор в пользу революционной

борьбы. В 1889 году попал в казанскую тюрьму известный марксист Николай Федосеев. Федосеева арестовали за организацию тайных кружков, где изучали труды Карла Маркса. В одиночной камере революционер провёл долгие 15 месяцев. Ещё одним нерядовым заключённым в недрах казанской тюрьмы оказался поэт-футурист Велимир Хлебников – участник студенческого протеста в Казанском университете. Случилось это в 1903 году. Ближе к 17-му году в заточении под Кремлём, должно быть, побывало множество будущих участников кровавых революционных событий, но имена их не столь известны и не оставили заметного следа в истории.

После Октябрьской революции Казанская пересыльная тюрьма продолжала использоваться по прямому назначению, поменяв лишь хозяев, – власть царская преобразовалась в советскую. Но и у новой власти нашлось кого содержать за толстыми надёжными стенами. Кроме обычных преступников, сюда попадали неугодные коммунистам «элементы». Не один вольнодумец глядел из зарешёченных окон на свинцовые воды реки Казанки и мечтал о воле.

Минуло более 40 лет с пламенных революционных времён, и тюрьма обрела милосердных владельцев – людей в белых халатах. Только наименование больницы – Городской онкологический диспансер – вызывало у жителей столицы невольный страх перед болезнью, нещадно косившей обречённых. «Рако-

вый корпус» – так называли в народе известную лечебницу на Батурина. И мало кто вспоминал, как много больных самоотверженные врачи вытаскивали из смертельных тисков, и знавали эти стены радости побед над ужасным недугом, а не только боль, страдания и разочарования. Здание в бытность его больницей претерпело и архитектурные изменения. В 80-е годы прошлого столетия надстроили третий этаж и сделали ещё несколько пристроек. Но по экспертному заключению, выявлявшему историко-культурную значимость здания, ценность представляют лишь постройки «на период формирования суконной мануфактуры и пересыльной тюрьмы».

В 2016 году, когда покинутые эскаладами строения стали вновь преобразоваться, казанцы заговорили о переезде сюда Минюста, а то и вовсе о сносе старого здания. Но вскоре «тропой декабристов» (как писали остроумные журналисты) прошли татарстанские историки. Они и стали на данный момент последними хозяевами 300-летнего дома, что, наверно, и символично. Богатство истории этого строения едва ли оставит равнодушными учёных, чья деятельность направлена на погружение в пласты времени. Энергетика старинного здания несомненно способствует их благородной работе, и все негативы очистятся под воздействием преданных науке, возвышенных академических душ.

